

УДК 94(569.4):327

ББК 63.3(5Изр)64+66.4(0)

В поисках израильской идентичности: взлет и упадок мифа о сабре

В.П. Румянцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Россия)

The Quest for Israeli Identity: the Rise and Decline of the Sabra Myth

V.P. Rumyantsev

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Анализируется попытка конструкции новой идентичности евреев, так называемых сабрау, родившихся на территории подмандатной Палестины в период между Первой и Второй мировыми войнами. Характерной чертой этой идентичности была нарочитая брутальность, сочетание крестьянского труда с навыками вооруженной самообороны, коллективизм и сознательный разрыв с диаспоральным прошлым. Внешним атрибутом сабры было ношение простой, но удобной одежды жителей киббуцев, культивирование иврита. Сабрау должны были стать моделью для подражания еврейской молодежи, прибывавшей в Израиль, и тем, кто уже родился здесь. Привлекательность имиджа сабры усиливалась через рекламные плакаты, кинематограф, произведения художественной литературы. Эта модель идентичности представляет интерес как попытка, с одной стороны, вернуться к истокам древнееврейской истории, а с другой стороны, вырастить поколение «новых евреев», лишенных каких-либо недостатков, осложнявших жизнь евреев в изгнании. Искусственность этой модели, ее оторванность от израильских реалий во многом и привела к крушению мифа о супер-сабре. Вместе с тем этот миф заложил основы иного восприятия евреев и ими самими, и мировым сообществом, способствуя победе Израиля в войне за независимость.

Ключевые слова: Израиль, идентичность, сабра, «новый еврей», подмандатная Палестина.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-12

В 2018 г. в Израиле было опубликовано исследование журналиста Шмуэля Рознера и социолога Камиля Фукса «Израильский иудаизм: портрет культурной революции», посвященное современной израильской идентичности. Основной вывод, к которому пришли

This article analyzes an attempt to construct a new identity for Jews born on the territory of the Mandatory Palestine, the so-called Sabras, between the First and Second World Wars. The characteristic features of this identity included the deliberate brutality, the combination of peasant labor with the skills of armed self-defense, collectivism and a conscious break with the diaspora past. The external attributes of the sabras were the wearing of simple but comfortable clothes of the inhabitants of the kibbutzim and the cultivation of Hebrew. Sabras became a role model for Jewish youth who arrived in Israel and those who were already born here. The attractiveness of the sabra's image was enhanced through advertising posters, cinematography, and literature. This model of identity is of interest as an attempt to return to the origins of Hebrew history, as well as to raise a generation of "new Jews" devoid of any shortcomings that complicated the life of Jews in exile. The artificiality of this model and its isolation from Israeli realities were among the main reasons that led to the collapse of the myth of the super-sabra. At the same time, this myth laid the foundations for a different perception of the Jews both by themselves and by the world community, contributing to the victory of Israel in the war of independence.

Key words: Israel, identity, Sabra, "new Jew", Mandatory Palestine.

авторы, заключался в том, что заявлять о завершении формирования израильской еврейской нации еще рано. Этот процесс ускорился, но еще не завершился, и можно говорить лишь об идентичности различных подгрупп внутри еврейского национального коллектива [1].

У публикации Ш. Рознера и К. Фукса примечательно не только содержание, но и форма. На обложку своей книги авторы поместили фигуру, знакомую едва ли не каждому израильянину — Срулика (уменьшительное производное от имени Исраэль), карикатурного персонажа, придуманного в начале 1960-х гг. художником Карелом Гардошем. Этому персонажу суждено было стать национальной персонификацией Израиля. Его внешность отражала черты так называемого сабры-кибуцника: просторная рубаха, короткие шорты, сандалии, крепкие кулачки, курносый нос, задорный чуб из-под остроконечной панамки на голове. Его внешность сильно отличалась от стереотипных изображений евреев. Этот образ воспринимался как отображение «нового еврея», гражданина Израиля: не чужающегося крестьянского труда, не унывающего, но готового в любой момент постоять за себя. Именно его было решено поместить в 1998 г. на почтовую марку, посвященную 50-летию создания Государства Израиль.

Срулик нередко использовался в самых разных изданиях, посвященных израильской жизни как ассоциативный образ еврейского государства. Необычным было то, что Ш. Рознер и К. Фукс поместили изображение Срулика под перекрестьем оптического прицела. Тем самым они словно бы давали знать читателю, что современная израильская идентичность сильно отличается от образов, воспеваемых полвека назад, и уже очень мало израильтян соотносят себя с фигурой сабры, с которой был срисован этот забавный персонаж. Срулик оказался под угрозой.

Выводы Ш. Рознера и К. Фукса подводят нас к ряду вопросов. А что такое вообще израильская идентичность? Почему для персонификации Израиля был в свое время выбран образ сабры-кибуцника? Когда возник и почему постепенно пришел в упадок миф о сабре?

Сабра — это местное название вида кактуса-опунции, распространенного на Ближнем Востоке. Сладкий и мягкий плод этого растения покрыт шкуркой с колючками. Таким образом, в прозвище «сабра» («сабрау» во множественном числе) содержался намек на суровый внешний вид поселенцев на Святой земле, который мог оказаться и обманчивым. Первоначально прозвище «цабар (цабарим)» или «сабрес» звучало пренебрежительно. Его применяли как аналог слова «деревенщина» в отношении евреев, занятых крестьянским трудом, родившихся на территории Палестины в семьях переселенцев из Центральной и Восточной Европы. Но постепенно этот термин стали использовать для обозначения образа «нового еврея», никак не связанного с жизнью в изгнании, в галуте. Образу этому суждено было на несколько десятилетий стать объектом поклонения, идеалом для последующих поколений местных уроженцев [2, p. 116].

Впервые термин «сабра» не в насмешливо-уничижительном, а в горделивом смысле был использован журналистом Ури Кейсари в статье «Мы листья кактуса!», опубликованной в газете «Доар ха-Йом» 18 апреля 1931 г. Можно сказать, что с этого дня и появился миф о сабре. У Кейсари встал на защиту уроженцев Эрец-Исраэль*, которых нередко обвиняли в грубости и невоспитанности. «Да, мы цабарим, внешне несколько грубоватые, но с мягким и отзывчивым сердцем», — писал журналист [3].

Едва ли не все авторы, изучавшие феномен сабры, отмечали, что сабре предназначалось стать тем, кем еврей уже давно не был: крестьянином, укорененном на своей земле, воителем и землепашцем. Он был воплощением древних надежд, примечательным скорее даже не теми чертами, которые у него были, а теми, что у него отсутствовали. «В нем не было страха, слабости, трусости, алчности, фальши и лицемерия. Он рассматривался как полная противоположность галутного еврея» [4, с. 228].

Для того чтобы подчеркнуть свою непохожесть на «прежнего еврея», уроженцы Эрец-Исраэль подчеркивали, что они «иври», а не «еврей». Иврит, а не нарочито предаваемый забвению идиш стал их языком. Национальная идентичность должна была вытеснить прежнюю религиозную идентичность, олицетворяемую миром еврейских местечек — штетлов. Писатель и публицист Михаэль Йозеф Бердичевский, мечтавший, но так и не успевший перебраться в Эрец-Исраэль, так описывал свой выбор: «Быть или не быть! Быть последним евреем или стать первым израильтянином!» [1].

Так стал создаваться клишированный образ сабры, который сейчас, спустя более 70 лет после создания Государства Израиль, вряд ли имел бы хоть какие-нибудь шансы на тиражирование. Во-первых, этому помешала бы нарочитая брутальность образа, его маскулинность. Сабра в обыденном сознании был прежде всего мужчиной. Во-вторых, существовал некий налет едва ли не расизма. Практически на всех израильских плакатах середины XX в. сабра изображался исключительно как представитель европейской ветви евреев (ашкенази), называемый порой даже «белый еврей», как невольная противоположность «восточному еврею» (сефарду) [5, p. 120, 124]. Как с иронией заметил еженедельник «Тайм», молодой израильтянин — это «широкоплечий, голубоглазый, атлетически сложенный блондин, своим внешним видом напоминающий скорее антисемита, гонителя евреев» [6].

Один из самых известных израильских писателей, Амос Оз в своем автобиографичном произведении

* Буквально — «Земля Израильская». Так принято называть территорию проживания евреев в Восточном Средиземноморье. В узком смысле — обозначение еврейских земель до образования Государства Израиль в 1948 г.

«Повесть о любви и тьме» так описывал собственные детские ощущения времен окончания британского мандата: «Где-то там, за горами формируется новая порода евреев-героев, порода загорелых, крепких, молчаливых, деловых людей, совсем не похожих на евреев, живших в диаспоре... Парни и девушки — первопроходцы, осваивающие новые земли, упорные, смуглые от солнца, немногословные, сумевшие поставить себе на службу даже ночную тьму» [7, с. 10]. Необходимым атрибутом сабра была неразрывная связь между трудом на земле и готовностью в любой момент взять в руки оружие: «Они умели скакать на необъезженной лошади и водить гусеничный трактор, владели арабским, им были знакомы потаенные пещеры и русла пересыхающих рек, они умели обращаться с револьвером и ручной гранатой и при этом они читали стихи и философские книги, были эрудитами, способными отстаять свое мнение, но скрывающими свои чувства» [7, с. 11–12].

В этом романтизированном образе сабры подмечена одна важная деталь — внутренний конфликт, который испытывали многие сабрау по отношению к самим себе — конфликт между носимой маской и собственными переживаниями. То, что нередко ощущали сабрау, можно понять из письма члена кибуца «Эйн Харод» Раффи Мелеца, адресованного другу: «Где этот холодный Раффи, саркастический, циничный и смеющийся над людьми, где вся та жесткая и безжалостная оболочка, в которую я завернулся сам, не понимая зачем? А есть слишком мягкий, эмоциональный, внутренний Раффи, которого нельзя показывать, чтобы не оказаться раздавленным тем духом насмешек и самоуверенности, который пронизывает всю нашу жизнь! Не показывай свою душу, если она слабая, иначе обожжешься» [8, р. 105].

Эта раздвоенность между внутренним и внешним «я» отражалась в дискуссиях внутри интеллектуальной элиты еврейской части подмандатной Палестины. Ряд их представителей выступал за то, чтобы в Эрец-Исраэль публиковалась только идеологически выдержанная литература, прославляющая труд на земле, имеющая практический смысл: руководства по выращиванию сельскохозяйственных культур, дидактические материалы по изучению иврита и т.д. Вся прочая художественная литература приравнивалась к бесполезному, размягчающему волю бульварному чтиву. Другие же представители этой элиты, в том числе основатель ревизионистского течения в сионизме Зеев Жаботинский, выступали за то, чтобы никаких ограничений не было.

Напускная мужественность была одним из элементов другой характерной черты израильских сабрау — культом коллективизма. И причины, по видимому, заключались не только в приверженности социалистическим идеалам многих первых репатриантов, но и в специфике ведения кибуцного хозяй-

ства. Принадлежность группе была необходимым условием выживания. У фермеров-одиночек просто не было никаких шансов не только защитить себя, но и возделывать каменистую, пустынную или болотистую землю. В кибуцах выковывался совместный коллективный опыт, включающий ментальную связь с природой, ландшафтом, общим языком-ивритом, постоянной необходимостью держать оборону от набегов бандитов и грабителей [8, р. 104].

Бывший министр просвещения и культуры Израиля Амнон Рубинштейн называл подлинным символом сообщества сабрау товарищество, порожденное жизнью в небольшом, тесно спаянном коллективе, основанном на дружбе, поддержке, взаимовыручке. Израильский писатель Моше Шамир, член кибуца «Мишмар-ха-Эмека» и боец «Пальмаха» (ударных отрядов подпольной боевой еврейской организации самообороны «Хагана») в книге «Своими руками», которая считается отчасти автобиографичной, словами главного героя — Элика — восклицает, что «нет у них потребности более сильной, чем быть друг с другом, ибо место замкнутой личности все больше и больше занимает дружба» [4, с. 265].

Боевая обстановка сопровождала сабрау постоянно и повсеместно. Она неизменно присутствовала в сознании каждого, кто родился здесь, и именно суровые будни приграничья воспитывали в сабре мужественность, твердость, жесткость. Опасность, постоянно висевшая над поселенцами, не отпугивала, а приманивала молодое поколение, родившееся в ишуве (собирательное название местности проживания еврейской общины и самой общины до образования Государства Израиль) в период между двумя мировыми войнами. А. Оз так реконструировал свои детские представления о мире сабрау: «Там у них воистину вершатся великие дела: там строят нашу страну, исправляют мир, создают новое общество... Там, вооруженные они летят на конях, отстреливаясь от арабских банд, там из презренного праха человеческого рождается сражающийся народ» [7, с. 12].

Под «презренным прахом» А. Оз понимал жизнь евреев в изгнании. И здесь можно говорить о едва ли не главном мотиве самоидентификации сабрау — разрыву с галутным прошлым, вызывавшим отвращение, о котором часть из них позже будет сильно раскаиваться.

Первым признаком этого разрыва стала переделка имен и фамилий на ивритский лад. Пример подавали лидеры сионистского движения. Давид Грин, будущий первый премьер-министр Израиля, прибывший в Палестину в 1906 г., стал Давидом Бен-Гурионом. Лейви Школьник, один из основателей «Хаганы» и третий премьер-министр Израиля, стал Леви Эшколем. Смена имени поощрялась, она была символом акта перерождения, возврата к библейским именам царей, пророков, воинов [2, р. 117].

Свой стиль утверждался и в среде «иври», где возникла мода на «подлинно сабровские» имена и фамилии — двухсложные, с ударением на последнем слоге — Моше Даян, Игаль Алон, Игаль Ядин (все — активисты «Пальмаха», а позже крупные военные и государственные деятели Государства Израиль).

Таким образом, фигура сабры становилась влиятельной культурной конструкцией, которая служила моделью для социализации израильской молодежи и тех, кто прибывал в Израиль из зарубежья. Последние, правда, нередко сталкивались с отторжением их теми, кому они хотели подражать.

После Второй мировой войны в Эрец-Исраэль стали прибывать те европейские евреи, которым удалось выжить после нацистской оккупации. Им пришлось столкнуться не только с сочувствием и состраданием. Многие сабрау не в состоянии были понять, почему жертвы Холокоста «безропотно шли на убой как овцы», почему они не пытались умереть стоя, в бою [4, с. 238]? Еще один израильский писатель Эхуд Бен-Эзер откровенно признавал: «Сабра презирал еврейских беженцев, добравшихся до Эрец-Исраэль после Катастрофы» [4, с. 237]. Ему вторил другой писатель, Шамай Голан, 14-летним подростком приехавший в подмандатную Палестину из Польши. В его книге «Смерть Ури Пеледа» один из сабрау бросал обвинение прибывшему из Европы еврею: «Бойцы, сражавшиеся в войне за независимость, пали ради тебя, ради того, чтобы Израиль смог принять вас всех, беженцев из семидесяти стран галута» [4, с. 239].

Встреча евреев диаспоры с «иври» усиливала ощущение собственной беспомощности и ущербности у первых и порождала высокомерное отношение у вторых. Бывший узник концлагеря Аарон Аппельфельд, прибывший в Эрец-Исраэль после Второй мировой войны, вспоминал свое желание выкинуть остатки воспоминаний о прошлом, измениться, стать другим человеком, похожим на сабрау, «в одночасье стать высоким блондинистым парнем с голубыми глазами, а главное физически крепким» [2, р. 118].

Эта же мысль нашла свое отражение и в первых израильских фильмах, посвященных Войне за независимость, которые стали своеобразной пропагандой облика и образа жизни сабрау. Например, в фильме «Вечный город» символом перерождения галутных евреев стала сцена смены одежды. Подростки, прибывшие из Европы, снимали свою одежду времен жизни в диаспоре, а взамен нее одевали рубахи и штаны цвета «хаки» [9, р. 12–13].

Одно из наиболее красноречивых свидетельств восприятия мира сабрау новыми репатриантами принадлежит другому бывшему узнику концлагеря, Эли Пфефферкорну. Он вспоминал, что новоприбыв-

ших в Израиль уже в порту или аэропорте встречали плакаты, на которых был изображен «новый еврей» — «мускулистый, загорелый, несколько неуклюжий в общении, предпочитающий словам действие, а книге плуг» [10, р. 110]. «Как новоприбывший в эту страну, — признавал Э. Пфефферкорн, — находясь в поиске идентичности, я тоже пытался подражать этому образу, или хотя бы оказаться в его тени» [10, р. 110–111]. Жизнь бывшего узника концлагеря, или «музельмана», как он сам себя позже называл (жаргонное словечко, примерно равное слову «доходяга» в лексиконе советских лагерников), изменилась после знакомства с израильской девушкой Ривкой. Она настояла на смене имени. «Элияху — слишком длинно, — заявила Ривка, — оставим просто «Эли», коротко и ясно». Следующим шагом стала смена одежды. Э. Пфефферкорн облачился в одежду сабрау — штаны цвета «хаки», просторная рубаха, сандалии с ремешками. Потом он решил перенять характерные жесты сабры, мимику и общие манеры. Много времени ушло на то, чтобы освоить интонации, сленг и стиль общения сабрау. Но главное было не в этом. Э. Пфефферкорн так и не решился признаться своим новым друзьям, что был узником концлагеря. Он сочинил историю своего пребывания в Англии во время войны. Многие годы Пфефферкорн скрывал потом свою реальную жизнь даже от жены и детей. Он стыдился своего настоящего прошлого, которое, как он опасался, могло осложнить процесс абсорбции в новом обществе. В конце концов, признавал Э. Пфефферкорн, ему удалось сойти если не за «одного из нас», то хотя бы и не за «одного из них», т.е. беженцев из Европы [10, р. 111–114].

Но что еще вызывало восхищение бывшего «музельмана», это пристрастие сабрау социалистическим, левым идеям. «Если бы они жили в России в конце XIX в., то примкнули бы к анархистам», — предположил Э. Пфефферкорн, и добавил, что знакомые ему сабрау симпатизировали Советскому Союзу, и его «чувство долга перед советскими освободителями не исчезло со временем», хотя позже он изменил свое отношение к стремлению синтезировать социализм и сионизм, назвав его «таким же бесполезным занятием, как попытку вставить квадратный колышек в круглое отверстие» [10, р. 115].

Для иллюстрации отношения сабрау к европейским беженцам Э. Пфефферкорн процитировал израильскую писательницу Нативу Бен-Иехуду, которая откровенно признавала: «Мы не спрашивали новичков об их прошлом. Их переживания были преданы анафеме. В диаспоре не было ничего хорошего, поэтому не было принято говорить о ней». Но как можно было смыть это «пятно» из своей биографии? — «Отказаться от «диаспоральных манер и принять образ настоящего сабры», — советовала Н. Бен-Иехуда [10, р. 115]. Приблизительно так

и поступил сам Пфедеркорн. «Я остервенело старался ассимилироваться, уничтожая свое прошлое. Я избегал встреч со сверстниками, которые выжили в концлагерях... Освенцим не был в моде в Израиле в 1950-х гг.», — откровенно признавал он [10, р. 118].

Отрицание прошлого, включая дистанцирование от иудаизма, стало атрибутом выстраивания идентичности на основе мифа о сабре. В первые годы существования Израиля как независимого государства в нем возникла небольшая, но влиятельная группа поэтов, писателей и интеллектуалов, известная как «ханаанцы». Они возражали даже против использования термина «израильтяне» и доказывали, что иудаизм со временем разъял, разрушил чистый, исконный дух евреев [11, р. 34].

Война за независимость (или первая арабо-израильская война) 1948–1949 г. стала апофеозом, кульминацией мифа о сабре. Не случайно поколение, родившееся в Эрец-Исраэль между Первой и Второй мировыми войнами, называли «Поколением 1948 г.» или «Поколением “Пальмаха”». В определенном смысле молодому еврейскому государству было выгодно все заслуги в победе в войне за независимость приписывать «поколению “Пальмаха”» как закономерному результату культивирования физического труда в сочетании с боевой выучкой. Для вновь прибывающих в Израиль евреев это был знак необходимости перестройки собственного образа жизни, привыкания к самому факту того, что над страной висит постоянная опасность и выжить в этих условиях способны только такие вот «новые евреи»: физически крепкие, храбрые, понимающие, каким трудом добывается пропитание, цельные и жертвенные натурой.

Эта мысль красной нитью проходила через первые израильские фильмы, посвященные войне за независимость: «Нет выбора» (1949 г., режиссер Джозеф Лайтс), «Вечный город» (1952 г., режиссеры Бен Бартсман и Дж. Лайтс), «Высота 24 не отвечает» (1954 г., режиссеры Цви Колиц и Питер Фрай). Во всех трех фильмах главными героями были представители сабрау, которые, как и их ветхозаветные предки, были сильными, смелыми, гордыми, зарабатывающими себе на жизнь физическим трудом. Война представлялась идеальным местом для перерождения тех евреев, кто пережил Холокост. Им предлагалось словно бы отринуть свое прошлое, стать «новым евреем» [9, р. 5–6, 20–21].

Приравнивание сабрау к «Поколению 1948 г.» и тем более к «Поколению “Пальмаха”» в современной историографии подвергается сомнению

[8, р. 103]. Во время войны за независимость рядом с бойцами «Пальмаха» сражались бойцы радикальных организаций «Лехи», «Иргун», иммигранты из Европы, Азии и Африки. Миф о сабре стал упрощением многосоставной картины переселения евреев в Палестину и заселения ими Эрец-Исраэль.

В значительной степени упадок мифа о сабре был связан с переосмыслением места Холокоста в судьбе еврейского народа. Презрительное отношение сабрау к жертвам нацистского геноцида евреев было немислимо в условиях открывавшейся во все более жутких подробностях правды о Холокосте. По мере повышения исследовательского интереса к этой трагической странице истории все большее внимание привлекало изучение «галутного» прошлого евреев [12, с. 13]. Высокомерная снисходительность сошла на нет. Религия, не вписывавшаяся в образ жизни «поколения неверующих пионеров» [1], стала играть все более важную роль в жизни Израиля.

Попытка выстроить израильскую национальную идентичность на основе мифа о сабре провалилась потому, что она не учитывала сложный состав израильского общества. В прокрустово ложе мифа о сабре не укладывались евреи-сефарды, ультраортодоксальные евреи, израильские арабы, жители-пионеры религиозных, а не секуляризированных поселений (движение «Гуш-Эмуним»), новые иммигранты, включая «русскую алию» и другие. Надежда на то, что рожденные в Израиле дети своей моделью для подражания выберут сабрау, разбилась о реалии израильской жизни, в которой нашлось место для самых разнообразных групп населения. За 70 с небольшим лет существования Израиля его еврейское население увеличилось приблизительно в 10 раз и составляет около 7 млн человек. Из них примерно 75% — это рожденные в Израиле евреи, которых по-прежнему называют «сабра» [13]. А еще есть арабы, друзья, армяне, черкесы и др.

Вместе с тем миф о сабре способствовал победе Израиля в войне за независимость. Он заложил основы иного восприятия евреев и ими самими, и мировым сообществом. Клишированное изображение галутного еврея как несчастного, робкого, гонимого и не способного постоять за себя человека осталось в прошлом. Миру пришлось привыкать к другому Израилю и другому еврею — жесткому, не прощающему оскорблений, живущему порой без оглядки на порицание со стороны.

Библиографический список

1. Рознер Ш., Фукс К., Эпфель М. Израильский Иудаизм. Портрет культурной революции / пер. с иврита М. Эпшеля // Заметки по еврейской истории. 2020. №4. URL: <http://litbook.ru/article/14238>.
2. Zerubavel Y. "Mythological Sabra" and Jewish Past: Trauma, Memory, and Contested Identities // Israel Studies. 2002. Vol. 7. No.2.
3. Левейтас Л. Почему рожденных в Израиле детей называют «кактусы»-сабры. URL: <http://www.vwsty.co.il/articles/49>.
4. Рубинштейн А. От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма / под ред. Ф. Дектора; пер. с иврита. 2-е изд. Минск, 2002.
5. Kaplan E. Amos Oz's "A Tale of Love and Darkness" and the Sabra Myth // Jewish Social Studies. 2007. Vol. 14, No. 1.
6. Israel: The Watchman // Time. August 16, 1948. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,798932-4,00.html>.
7. Оз А. Повесть о любви и тьме / пер. с иврита В. Радцкого. СПб., 2007.
8. Shapira A. Spiritual Rootlessness and Circumscription to the 'Here and Now' in the Sabra World View // Israel Affairs. 1998. Vol. 4, No.3-4.
9. Feldestein A. Rebirth of the "Other" in the 1948 War: A Cinematic Expression // Australian Journal of Jewish Studies. 2006. Vol. 20.
10. Pfefferkorn E. The Muselmann at the Water Cooler: A Study of Survival in Extreme and Day-to-Day Situations: The Inside View of a Holocaust Survivor. Boston, 2011.
11. Tivnan E. The Lobby. Jewish Political Power and American Foreign Policy. N.Y, 1987.
12. Холокост: Энциклопедия / Ред. У. Лакер, соред. Ю.Т. Баумель; пер. с англ. М., 2005.
13. Население Израиля в 69-й День независимости — 8,68 миллиона человек. URL: <https://www.newsru.co.il/israel/27apr2017/halmas313.html>.